ЗИМОВКА

роман

Кирилл Мезенцев

Самиздат, 2026

Кирилл Мезенцев

Зимовка

«Автор»
2026

Мезенцев К.

Зимовка / К. Мезенцев — «Автор», 2026

> Полярная станция «Мыс Семи Ветров». Середина полярной ночи, девяносто шестой день зимовки. Семеро человек, сорок градусов мороза и один флагшток, на котором висит флаг, потому что так положено.>> Когда метеоролог Кирилл Ярцев выходит ночью из дома и не возвращается, начальник станции говорит то, что говорят всегда: ушёл на лёд, несчастный случай, дождёмся борта.>> Врач Ирина Ковалёва делает вид, что верит. Она приехала сюда не за полярными надбавками — двенадцать лет назад на этой станции погиб её отец, и в вахтенном журнале за ту ночь не хватает одной страницы.>> Дальше начинается то, чего в замкнутом пространстве не избежать: связь пропадает, дизель встаёт, люди начинают считать, кто сколько знает. И очень быстро выясняется, что бояться надо не темноты.

© Мезенцев К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. День девяносто шестой 6
Глава 2. Сорок два дня 9
Глава 3. Ночной сеанс 11
Глава 4. Версия 13
Глава 5. Шесть 15
Глава 6. Полынья 17
Г 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Кирилл Мезенцев
Зимовка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Девяносто шестой день

Глава 1. День девяносто шестой

На девяносто шестой день зимовки Ирина перестала различать дни недели.

Это случилось не сразу и не в один момент. Сначала она ещё считала: вторник, пятница, воскресенье — когда по воскресеньям пекли хлеб. Потом сбилась, поправилась, снова сбилась. Теперь она знала только числа: девяносто шестой, девяносто седьмой. Дальше начиналось белое.

Впрочем, белого не было тоже. За окном стояла тьма, плотная, как войлок, и в ней ничего не двигалось. Фонарь над входом горел круглые сутки, и его свет не рассеивал темноту, а только обозначал её границу — пятачок утоптанного снега, две бочки, угол склада. Дальше ничего.

Ирина встала в семь по будильнику, хотя вставать было необязательно: в полярную ночь организм всё равно не понимал, утро сейчас или вечер. Она натянула второй свитер, шерстяные носки поверх тонких, вышла в коридор, где пахло соляркой и подгоревшей кашей.

— Доброе утро, — сказала она в столовую.

— Доброе, — отозвался Вахтин, не поднимая головы от кружки.

Он всегда сидел здесь первым. Пётр Ильич Вахтин, дизелист, шестьдесят один год, двадцать зимовок — цифра, которую он называл так, будто она была профессией. У него были руки в трещинах и привычка двигать кружку на два сантиметра вправо, потом обратно, будто проверяя, стоит ли мир на месте.

— Давление? — спросила Ирина.

— Сто сорок на девяносто.

— Вчера было сто тридцать.

— Вчера был другой день.

Она не стала спорить. За четыре месяца она выучила: спорить здесь бесполезно, здесь всё держится на ритуале. Вахтин пьёт чай, двигает кружку, идёт в дизельную, слушает двигатель, как слушают сердце. Если двигатель в порядке — день в порядке. Если нет — не в порядке ничего.

Станция называлась «Мыс Семи Ветров». Два низких дома на сваях, дизельная, склад, мачта с антенной и флагшток, на котором висел выцветший флаг — не потому, что было кому его видеть, а потому, что так положено. За домами начинался склон, за склоном — лёд, за льдом — ничего, о чём лучше было не думать.

Их было семеро.

Логинов, начальник. Сорок семь, сухой, немногословный, с привычкой отвечать не на вопрос, а на то, что за вопросом. Вахтин. Аня Гущина, радистка, двадцать шесть, единственная, кто ещё смеялся вслух. Тимур Асланов, геофизик, сорок три, вспыльчивый и обидчивый, как все, кто много говорит и мало слушает. Валера Кислов, аэролог, тридцать пять, тихий, с вечным блокнотом. Кирилл Ярцев, метеоролог, тридцать один — самый младший из мужчин, и это было заметно по тому, как он всё время что-то доказывал.

И она, Ирина Ковалёва, врач. Тридцать четыре. Четвёртая зимовка в её жизни, первая — на Севере.

В медицинском кабинете было тепло и тесно. Кушетка, шкаф с лекарствами, стол, на столе — журнал осмотров, термометр, початая пачка чая. На стене висела таблица «Первая помощь при обморожении», которую она сама нарисовала в первый месяц, потому что печатной не нашлось.

За столом, в нижнем ящике, под папкой с бланками, лежала фотография.

Она не доставала её с ноября. Знала, что лежит. Иногда, открывая ящик за бинтом, касалась края картона и закрывала обратно.

В восемь тридцать был сеанс связи. Аня сидела в радиорубке — маленькой комнате, забитой аппаратурой, где всегда было на два градуса жарче, чем везде, — и выстукивала позывные. Большая земля отвечала через день, иногда через два. Голос в динамике был жестяной и далёкий, как из другой жизни.

— «Мыс Семи Ветров», ответьте.

— На связи, — говорила Аня. — Всё в порядке. Ветер северо-западный, восемь метров. Температура минус тридцать восемь.

— Принято. До связи.

Вот и весь разговор. Раз в неделю — сводка, раз в месяц — заявка на продукты, раз в квартал — что-то вроде «держитесь, ребята». Ирина слушала эти сеансы и думала: мы для них — строчка в журнале. Пока мы отвечаем, всё хорошо. Когда перестанем — прилетят.

Самолёт должен был прийти в феврале, когда посветлеет. До февраля оставалось три недели.

Днём она обходила всех. Не потому, что кто-то болел, а потому, что так было проще жить: постучать, спросить, посмотреть на человека, убедиться, что он ещё человек. Вахтин — давление. Аня — бессонница, капли. Асланов — колено. Кислов — ничего, но он всегда говорил «заходите, заходите», и она заходила.

— Как вы тут? — спросила она у Кислова.

— Пишу.

— Что пишите?

— Ветер. — Он показал блокнот, исписанный цифрами. — Сорок два дня один и тот же. Понимаете? Сорок два дня. Приборы фиксируют, а объяснить не могу.

— Может, и не надо объяснять.

— Надо, — сказал Кислов серьёзно. — Если не объяснять, зачем тогда мы здесь.

Она не нашлась что ответить.

Логинова она встретила в коридоре у склада. Он стоял без шапки — так, будто ему было не холодно, — и смотрел на флаг.

— Сергей Аркадьевич, вы простудитесь.

— Не простудюсь.

— Это не аргумент.

Он повернулся. У него было лицо человека, который давно не спит и давно к этому привык.

— Ирина Андреевна, у нас всё в порядке?

— В медицинском смысле — да.

— А в любом другом?

Она посмотрела на него. Вопрос был странный, и странно было то, что он его задал именно ей.

— Не знаю, — сказала она. — Вы мне скажите.

Логинов не сразу нашёлся.

— Показалось, — сказал он наконец. — Идите, у вас обход.

И ушёл, не оборачиваясь.

Вечером она сидела у себя и смотрела в стену. Стена была в инее — не ровном, а каком-то живым, с завитками. Иней рос изнутри, потому что снаружи было минус сорок, а внутри плюс двадцать два, и разница всё время выдавливала влагу наружу, превращая её в узор.

Дверь открылась без стука.

— Можно? — Ярцев стоял в проёме, в свитере, с лицом человека, который не спал неделю.

— Можно.

Он вошёл и не сел. Постоял, посмотрел на шкаф с лекарствами, потом на неё.

— Мне нужно поспать, — сказал он. — По-настоящему. Не эти ваши капли.

— Что случилось, Кирилл?

— Ничего.

— Тогда зачем?

Ярцев потрогал край стола. У него дрожали руки — не от холода, тут все знали, как выглядит холод.

— Завтра я скажу ему, — произнёс он тихо. — И, наверное, всё изменится. Мне надо, чтобы у меня была голова ясная.

— Скажете кому?

Он посмотрел на неё так, будто она должна была знать.

— Логинову.

— Что сказать?

— Правду, — сказал Ярцев. — Про то, как тут жили до нас.

Она дала ему таблетку. Он ушёл, и она ещё долго сидела, слушая, как гудит дизель — ровно, спокойно, будто ничего не случилось и не случится.

Утром Ярцев не вышел к завтраку.

* * *

Глава 2. Сорок два дня

Первым это заметил Вахтин.

— Ярцев проспал, — сказал он негромко, и все посмотрели на пустой стул.

— Пусть спит, — отозвался Асланов. — Человеку надо спать.

— Он никогда не спит, — сказала Аня. — Он всегда первый.

Это было правдой. Ярцев вставал раньше всех, в шесть, и к семи у него уже были записаны все наблюдения, и он ходил по станции с таким видом, будто делает одолжение миру самим фактом своего существования.

Логинов посмотрел на часы.

— Двадцать минут девятого. Ирина Андреевна, сходите.

Она пошла.

Дверь в комнату Ярцева была прикрыта. Она постучала. Тишина. Постучала ещё раз, потом нажала на ручку.

Кровать была пуста и заправлена — аккуратно, по-уставному, с тем самым углом, который получается только у людей, которые долго жили по распорядку. На столе лежал открытый блокнот, рядом — чашка с недопитым чаем, в чашке тонкая корка льда. На спинке стула висела куртка.

Куртка.

Внутри было плюс двадцать два, и человек в одной рубашке никуда не ходит. Но даже не это было главным.

— Сергей Аркадьевич, — позвала она, не оборачиваясь.

Шаги. Логинов встал в дверях, посмотрел на кровать, на чашку, на куртку. Лицо у него не изменилось.

— Оделся и вышел, — сказал он.

— Куртка здесь.

— Значит, взял другую.

— У него одна.

Логинов помолчал ровно столько, сколько нужно, чтобы пауза стала ответом.

— Собираем всех, — сказал он.

В столовой было тесно и тихо. Семеро за столом — теперь шестеро.

— Так, — начал Логинов. — Ярцева нет. Куртка на месте, валенки на месте, но его верхняя одежда из шкафа пропала. Значит, вышел на улицу. Далеко в одной рубашке не уйдёшь, поэтому он вернётся или...

Он не закончил.

— Или что? — спросил Асланов.

— Или его нет.

Слово прозвучало так, будто его поставили на стол вместе с чайником.

— Надо идти искать, — сказала Ирина.

— Надо, — согласился Логинов. — Только не всем. Вахтин остаётся на дизеле, Аня — на связи. Со мной Асланов, Кислов, вы. Через сорок минут.

— Почему через сорок?

— Потому что сейчас минус сорок два, — сказал он. — И потому что за сорок минут станет светлее.

Светлее не стало. В полярную ночь в это время суток небо просто чуть отличилось от земли — как если в чёрную краску добавить каплю серой. Они вышли вчетвером, с фонарями, обмотанные, как капуста, и пошли по направлению к складу, потом к мачте, потом по насту вдоль берега, где кончался утоптанный пятачок и начиналось то самое ничего.

— Кирилл! — крикнул Асланов. Ветер съел звук.

Они шли цепью, метрах в десяти друг от друга, освещая снег. Ирина смотрела под ноги. Снег был твёрдый, с надувами, и на нём виднелись следы — много следов, свои же, вчерашние, позавчерашние, все одинаковые.

Потом она увидела.

— Сюда, — сказала она.

След был один. Не цепочка, а один отпечаток — глубокий, носками в сторону льда, и рядом второй, и дальше третий, и все они шли не к станции, а от неё.

— Стойте, — сказал Логинов. — Всем стоять.

Они стояли и смотрели, как след уходит к трещине.

Трещина была метрах в тридцати от берега — старая, присыпанная снегом, но её всё равно было видно: линия, где наст проваливался в темноту. Летом туда никто не ходил, зимой — тем более. Все это знали с первого дня, потому что Логинов на первой же планёрке сказал: «За вешки не заходить. За вешками — не живут».

Следы вели прямо к вешкам.

— Он что, сдурел? — сказал Кислов.

Логинов пошёл первым. Он шёл медленно, проверяя снег палкой, и на середине пути остановился, наклонился и поднял что-то.

Это была варежка.

Красная, вязаная, с орнаментом — варежки Ярцева, их все видели, над ними ещё смеялись, потому что кто же берёт на Север красные варежки.

Логинов подержал её на весу, потом сунул в карман.

— Дальше не идём, — сказал он.

— Там же он! — Ирина шагнула вперёд.

— Там трещина, — сказал Логинов спокойно. — Мы туда не пойдём. Мы вернёмся и будем ждать.

— Ждать чего?

— Света.

Она хотела сказать многое. Что человек, может быть, ещё жив, что нельзя стоять и ждать, что это преступление — так спокойно говорить «света». Но Логинов уже шёл обратно, и Кислов шёл за ним, и Асланов тоже, и ей ничего не оставалось, кроме как идти следом и смотреть, как красная варежка — та самая, дурацкая, вязаная, — торчит у него из кармана.

Вернувшись, она зашла в комнату Ярцева.

Блокнот на столе. Она открыла его и полистала. Температура, ветер, давление, снова температура — цифры, ровные столбики, каллиграфический почерк.

На последней странице, в самом низу, после цифр, было написано:

«Сорок два дня один ветер. Так не бывает».

И ниже, другими чернилами, торопливо:

«Л. был там. В журнале не он».

* * *

Глава 3. Ночной сеанс

В ту ночь она не могла остаться одна.

После планёрки все разошлись по комнатам, и станция стала тихой, и в этой тишине было слышно, как гудит дизель и как где-то капает вода. Ирина лежала на койке и смотрела в потолок, и ей казалось, что если она сейчас заснёт, то утром всё окажется правдой.

Она встала и пошла в радиорубку.

Аня сидела там, в наушниках, хотя время сеанса давно прошло. На столе горела лампа, и в её свете было видно, что Аня плакала.

— Не спится? — спросила Ирина.

— Я на всякий случай, — сказала Аня. — Вдруг он выйдет на связь.

— Кто?

— Ярцев.

Ирина села на второй стул.

— Аня.

— Я знаю, что это глупо.

— Это не глупо.

— Это глупо. — Аня сняла наушники и положила их на стол. — Если бы он мог выйти на связь, он бы вышел.

Они помолчали.

— Расскажи, как ты сюда попала, — сказала Ирина.

Аня не поняла.

— В смысле?

— Ну вот так. Ты молодая. Тебе двадцать шесть. Что ты тут делаешь?

Аня усмехнулась.

— Все спрашивают.

— И что ты отвечаешь?

— Отвечаю: деньги. — Она помолчала. — Вру.

— А на самом деле?

Аня откинулась на спинку стула и посмотрела в потолок.

— На самом деле я сбежала, — сказала она. — У меня был муж. Не муж — мы просто жили вместе четыре года. Он был нормальный. Правда нормальный, не пил, не бил. Просто он всё время говорил, что я ничего не добьюсь. Не в смысле «ты дура». А в смысле «ну куда ты, у тебя же ничего не получится». И я в какой-то момент поняла, что начинаю в это верить.

— И?

— И уехала. — Аня пожала плечами. — Взяла и уехала. На Север. Он мне писал полгода, потом перестал.

— Жалеешь?

— Нет. — Аня посмотрела на неё. — Я тут впервые в жизни почувствовала, что если я что-то сломаю, то это буду я, а не кто-то другой.

Ирина кивнула.

— А вы? — спросила Аня. — Почему вы здесь?

Ирина смотрела на лампу.

Она могла сказать правду. Могла сказать: мой отец погиб на этой станции, и я приехала узнать, как. Могла сказать: я двенадцать лет ждала, что кто-нибудь мне объяснит, и никто не объяснил, и теперь я объясню сама.

Она сказала:

— Хотела посмотреть, как живут на краю.

— И как?

— Как везде. — Ирина улыбнулась. — Только холоднее.

Аня засмеялась — впервые за три дня.

Потом они сидели молча, и радио шипело, и в этом шипении не было ничего, кроме пустоты.

— Ирина Андреевна, — сказала вдруг Аня.

— Да.

— А вы верите, что он ушёл на лёд?

Ирина не стала врать.

— Нет.

— Я тоже.

Аня взяла наушники и снова надела их.

— Тогда что нам делать? — спросила она.

— Не знаю, — сказала Ирина. — Но давай договоримся: если что-то случится, мы друг другу верим.

— Договорились.

Они не пожали руки и не поклялись. Просто сказали — и всё.

В ту ночь Ирина впервые за четыре месяца почувствовала, что на станции есть человек, которому она может верить.

* * *

Глава 4. Версия

Планёрку собрали в столовой.

Логинов положил на стол карту — старую, ламинированную, с потёртыми краями, — и варежку.

— Вот что мы имеем, — сказал он. — Ярцев вышел из дома ночью или рано утром. Верхняя одежда отсутствует. Следы ведут к трещине. У трещины — варежка.

— Это не доказательство, — сказал Кислов.

— Это всё, что у нас есть.

— Человек не пойдёт ночью к трещине, — сказал Вахтин. — Ни за что.

— Пьяный пойдёт, — сказал Асланов.

Все посмотрели на него.

— Ты видел его пьяным? — спросила Ирина.

— Я видел егоразным.

— А конкретно пьяным?

Асланов поджал губы.

— Я не про то. Я про то, что он был странный эти дни.

— Странный — это не пьяный, — сказала Ирина.

— А какая разница, если его нет? — Асланов повысил голос. — Какая теперь разница?

— Разница есть, — сказал Логинов. — Разница в том, что мы напишем в объяснительной.

Он сказал это так просто, что стало тихо.

— Значит, так, — продолжил он. — Ярцев Кирилл Дмитриевич, тридцать один год, метеоролог. Ночью вышел из станции без разрешения, вероятно, в состоянии...

Он сделал паузу.

— В состоянии чего? — спросила Ирина.

— Усталости, — сказал Логинов. — Хронической усталости. Это бывает. Человек не спит, у него едет крыша, он выходит в ночь. Мы не можем это предвидеть.

— У него не ехала крыша.

— Вы врач, вы и напишите.

Ирина посмотрела на него и вдруг поняла, что он не спрашивает. Он предлагает ей роль.

— Я напишу, что видел своими глазами, — сказала она. — А видела я вот что: он пришёл ко мне вечером, попросил снотворное и сказал, что утром пойдёт к вам что-то рассказывать.

Тишина стала другой. Она прямо почувствовала, как воздух в комнате перестроился.

— Что рассказывать? — спросил Вахтин.

— Не сказал.

— Он не сказал, а вы не спросили?

— Спросила. Он ответил: правду про то, как тут жили до нас.

Вахтин медленно поставил кружку. Двинул её на два сантиметра вправо, потом обратно.

— Вот как, — сказал он.

— Что это значит?

— Ничего. — Он встал. — Мне на дизель.

Он вышел. За ним, погодя, вышел Асланов. Кислов остался сидеть, глядя в стол.

— Сергей Аркадьевич, — сказала Ирина, когда они остались втроём. — Что он мог найти?

— Кирилл был мальчишкой, — сказал Логинов. — Он много чего мог найти. Тут до нас люди жили сорок лет.

— Он сказал «до нас». Не «до меня».

— Разве?

— Разве вы не слышали?

Логинов сложил карту. Аккуратно, уголок к уголку.

— Ирина Андреевна, — сказал он. — Вы хороший врач. Я это говорю без иронии. Но сейчас вы делаете то, чего делать не надо. У нас нет тела, нет связи, нет света. У нас есть шесть человек и одна варежка. Если мы начнём искать виноватого, мы найдём его. Обязательно. Мы все тут немного не в себе, и виноватый найдётся в любом.

— И вы предлагаете?

— Я предлагаю дождаться борта, — сказал он. — Три недели. Потом прилетят люди, которые умеют задавать вопросы, и получат ответы. А мы пока — потерпим.

Он встал и вышел, и она смотрела ему в спину.

Он был прав. В этом было самое неприятное. Он был прав, и от этого хотелось спорить ещё сильнее.

Вечером она зашла к Ане.

Радиорубка была включена на приём. Аня сидела в наушниках, обхватив себя руками, и в её лице было что-то, чего Ирина раньше не видела.

— Аня.

Та сняла наушники.

— Ты чего? — спросила Ирина.

— Ничего.

— Ты плакала.

— Я не плакала. — Аня вытерла щёку тыльной стороной руки. — Я просто... Знаете, что самое страшное? Я всю ночь была на связи. Всю ночь. Я сидела здесь и слушала эфир.

— И?

— И ничего. — Она посмотрела на Ирину. — Понимаете? Ничего. Он ушёл, и было тихо. Так тихо, как не бывает.

— Аня, что ты слышала?

— Я не слышала, — сказала Аня. — Я видела.

Она сказала это и сразу испугалась — так, что вцепилась в край стола.

— Что ты видела?

— Ничего. Забудьте. Я устала, я путаю.

Ирина присела рядом.

— Аня. Я не Логинов. Я тебя не сдам. Что ты видела?

Аня долго молчала. За стеной гудел дизель, ровно, как сердце.

— Дверь, — сказала она наконец. — В двадцать минут третьего я вышла в туалет. И видела, как открылась дверь на улицу. Не главная, а та, что у склада.

— И кто вышел?

— Я не разглядела лица. Только спину. — Она сглотнула. — Но это был не Ярцев.

* * *

Глава 5. Шесть

Утром Ирина пошла в архив.

Архив находился в дальнем конце второго дома, за кладовой, и представлял собой комнату без окон, заставленную стеллажами. Здесь лежали журналы наблюдений за тридцать лет, папки с отчётами, коробки с плёнками, старые карты и то, что здесь называли «наследством»: книги, оставленные предыдущими зимовками, — потрёпанные детективы, справочник по навигации, чей-то дневник в клеёнчатой обложке.

Она включила свет. Лампа загудела, замигала и разгорелась.

На ближнем стеллаже стояли журналы: толстые, в твёрдых обложках, с надписями на корешках. «Вахтенный журнал. 2011». «Вахтенный журнал. 2012». Она провела пальцем по корешкам, и палец стал серым.

Двенадцатый год стоял на верхней полке.

Она сняла его. Тяжёлый, неожиданно тяжёлый, будто в нём было больше, чем бумага.

Страницы были разлинованы, заполнены чьим-то аккуратным почерком: дата, смена, состав, отметки о погоде, о работе дизеля, о состоянии приборов. Она листала, не зная, что ищет.

И нашла.

Не сразу — через двадцать страниц, на записи от четырнадцатого марта. Лист был вырван. Не вырезан ножом, а именно вырван — с неровным краем, с клочками бумаги у корешка, там, где лист сопротивлялся.

Край был светлее страницы — там, где бумага не успела пожелтеть. Лист вырвали недавно.

Она посмотрела на следующий лист. Запись от пятнадцатого марта была. От четырнадцатого — нет.

Ирина села на табурет и положила журнал на колени.

Она не была сентиментальна. Она была врачом, и её учили простой вещи: сначала факты, потом чувства. Факт был такой: в вахтенном журнале за двенадцатый год вырван один лист. Второй факт: вчера пропал человек, который сказал, что узнал правду про то, как тут жили до нас.

Третий факт она знала наизусть, потому что он был единственным, что у неё осталось от отца.

Андрей Соловьёв, метеоролог, сорок один год. Погиб на станции «Мыс Семи Ветров» четырнадцатого марта двенадцатого года. Официально: вышел ночью из дома, оступился, провалился в трещину. Тело не нашли. Похоронили пустой гроб — она помнила этот гроб, обитый красной тканью, помнила, как он был невероятно лёгкий и как мать держалась за его край, будто проверяла, не обманывают ли.

Ей было двадцать два.

Двенадцать лет.

Она приехала сюда не за деньгами. Полярные надбавки были хорошие, но не настолько, чтобы бросить практику в городе. Она приехала, потому что всю жизнь слышала одну и ту же фразу: «Он ушёл на лёд». И всю жизнь не понимала: зачем?

Теперь она держала в руках журнал, в котором не хватало одного дня.

— Нашла что-нибудь?

Она вздрогнула.

В дверях стоял Вахтин — в ватнике, с фонарём в руке, хотя свет в архиве горел.

— Журналы смотрю, — сказала она. — Хочу понять, как тут вели записи.

— Зачем?

— Мне интересно.

Вахтин вошёл. Он двигался медленно, как человек, которому некуда спешить, и от этого становилось неуютно.

— Ты Соловьёва дочь, — сказал он.

Это было сказано без вопроса, без паузы, без подготовки — просто как факт, который он держал в кармане и наконец достал.

Ирина положила журнал.

— С чего вы взяли?

— Ты на него похожа. — Вахтин сел напротив, на табурет, и посмотрел на неё внимательно. — Брови. И то, как ты молчишь, когда злишься.

— Это не доказательство.

— Мне не надо доказательств. Я тебя узнал в первый день, как ты приехала. Думал — скажешь сама.

Она молчала.

— Не сказала, — констатировал он. — Значит, было зачем.

— Я хочу знать, что случилось.

— Все хотят.

— Вы были здесь.

— Был.

— Тогда расскажите.

Вахтин посмотрел на стеллаж, потом на свои руки, потом снова на неё.

— Я тебе расскажу, что знаю, — сказал он. — Только ты сначала ответь: зачем тебе это сейчас? Через двенадцать лет. Мёртвому уже не поможешь.

— Мне не мёртвому.

Он кивнул, будто она сказала что-то важное.

— Ладно, — сказал он. — Только не здесь.

* * *

Глава 6. Полынья

Они вышли на улицу. Ветер был слабый, и от этого казалось, что мороз сильнее: когда ветра нет, холод просто стоит вокруг, как вода.

Вахтин довёл её до склада, отпер дверь, включил свет и закрыл за собой.

Склад пах соляркой и мёрзлой резиной. Вдоль стен стояли ящики, бочки, ящики поменьше, сверху — свёрнутые палатки.

— Здесь, — сказал Вахтин и сел на ящик. — Двенадцатый год. Я тогда был молодой, мне было сорок девять.

Вахтин смотрел на свои руки.

— Соловьёв был хороший мужик. Правда хороший. Не то что некоторые. Он пил, да, но не так, как говорят. Он пил, потому что не мог иначе. Тут многие не могут.

— Что случилось четырнадцатого марта?

— Пурга была, — сказал Вахтин. — Три дня. Связи не было. И у них с Логиновым вышло... — Он поискал слово. — Не поделили.

— Что не поделили?

— Ничего. Всё. — Вахтин посмотрел на неё. — Ты пойми, тут на четвёртом месяце ссорятся не из-за чего. Ссорятся потому, что не с кем.

— Из-за чего конкретно?

— Из-за жены, — сказал он просто.

Ирина не поняла.

— Из-за чьей?

— Из-за его. — Вахтин кивнул на неё. — Твоей матери. Логинов к ней... неровно дышал. Ещё до того, как Соловьёва сюда отправили. Она выбрала отца, и Логинов это запомнил. Такое не забывается.

— И что было четырнадцатого?

— Они пошли в дизельную. О чём говорили — не знаю, я был на вахте. Слышал только. — Он замолчал, потом добавил: — Удар. Потом тишина.

— Вы видели?

— Я вошёл, когда стало тихо. — Вахтин смотрел в пол. — Соловьёв лежал. Головой об угол. Кровь была, но не сильно. Он ещё дышал.

— И?

— И Логинов сказал: «Помоги». — Вахтин поднял глаза. — Вот так, просто: «Помоги». И я помог.

Ирина стояла не двигаясь. В складе было холодно, но она не чувствовала.

— Он умер? — спросила она.

— Да.

— Когда?

— Через час. Может, два. Он был без сознания. Мы сидели рядом и ждали, и он не приходил в себя.

— Вы могли его спасти. — Она услышала, как её голос стал ровным и чужим. — Врача не было, но вы могли хотя бы...

— Могли, — согласился Вахтин. — Только мы уже решили.

— Что решили?

— Что так будет лучше. — Он сказал это без вызова, устало. — Послушай. Если бы мы сказали, что он упал, — это был бы несчастный случай. Но мы были в дизельной, ночью, втроём, и один из нас его ударил. Кто бы нам поверил? Нас бы вывезли, и был бы суд, и Логинов бы сел, и я бы сел, и станция бы встала.

— И вы отнесли его на лёд.

— Отнесли, — сказал Вахтин. — В полынью. Там сорок метров глубины, и течение.

— Вы проверяли, дышит ли он, когда несли?

Вахтин молчал.

— Вы проверяли?

— Он не дышал, когда мы вышли из дома, — сказал он тихо. — Я проверял. Я не убийца.

Она смотрела на него и думала: а кто ты тогда.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросила она. — Сейчас. После того, как пропал Ярцев.

Вахтин поднялся.

— Потому что ты не отстанешь, — сказал он. — И потому что Ярцев тоже не отстал.

— Вы думаете, его...

— Я думаю, — сказал Вахтин, — что тебе надо уехать первым бортом. И не оглядываться.

Он открыл дверь. Ветер ударил в лицо, и на секунду ей показалось, что весь этот разговор был не с ним, а с холодом.

— Пётр Ильич.

Он обернулся.

— Вы были там двенадцатого?

— Я был здесь двадцать лет, — сказал он. — И буду, пока ноги ходят.

И ушёл.

* * *

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.